

В ЭТОТ
ДЕНЬ,
40 ЛЕТ
НАЗАД...

рация будет проведена при всей имеющейся в распоряжении артиллерии и с использованием новейшего наступательного оружия. Для этого необходимо заблаговременно начать развертывание артиллерии и создание запасов боеприпасов. Конкретные задачи в связи с этим будут поставлены специальным приказом».

Как известно, «специального» приказа так и не последовало: немецко-фашистское командование вынуждено было отказать от «операции против Ленинграда».

А назавтра, 14 марта, наши подразделения дали противнику жару на Карельском перешейке, где он предпринял разведку боем. Повернули вспять и фашистские самолеты, которые намеревались бомбить город, причем два из них былибиты.

В Удельной состоялись лыжные соревнования на призы закрытия сезона — победили динамовцы. В Кавголове на лыжню вышли спортсмены Ленинградского гарнизона.

Артиллерийский обстрел города продолжался один час — за это время разорвалось семьдесят четыре снаряда.

В Ленинградском отделении Государственного издательства художественной литературы подписана к печати книга стихов поэта-фронтовика Михаила Дудина.

ДАЖЕ ПОСЛЕ того, как наши войска прорвали блокаду, враг не перестал готовиться к решающему удару по осажденному городу. Об этом свидетельствует оперативный приказ № 5, подписанный Гитлером 13 марта 1943 года, где говорилось: «Во второй половине лета (в начале июля) предполагается провести операцию против Ленинграда. Операция должна быть сосредоточена на максимальном использовании артиллерии и с использованием новейшего наступательного оружия. Для этого необходимо заблаговременно начать развертывание артиллерии и создание запасов боеприпасов. Конкретные задачи в связи с этим будут поставлены специальным приказом».

Как известно, «специального» приказа так и не последовало: немецко-фашистское командование вынуждено было отказать от «операции против Ленинграда».

А назавтра, 14 марта, наши подразделения дали противнику жару на Карельском перешейке, где он предпринял разведку боем. Повернули вспять и фашистские самолеты, которые намеревались бомбить город, причем два из них былибиты.

В Удельной состоялись лыжные соревнования на призы закрытия сезона — победили динамовцы. В Кавголове на лыжню вышли спортсмены Ленинградского гарнизона.

Артиллерийский обстрел города продолжался один час — за это время разорвалось семьдесят четыре снаряда.

В Ленинградском отделении Государственного издательства художественной литературы подписана к печати книга стихов поэта-фронтовика Михаила Дудина.

Мир груб и прост.

Сердца сгорели. В нас
Остался только пепел,
да упрямо
Обветренные скулы сведены.
Трехсотпятидесятый день
войны...

Стихи, потрясавшие нас уже четыре десятилетия, родились сразу, на одном дыхании. После армейской газеты они появились в «Комсомольской правде» — и Дудин, может быть, впервые столь остро ощутил, как много значит для народа слово поэта. Вот лишь одно письмо из многих, полученных им тогда: «Примите мою глубокую материнскую благодарность за проявленное сочувствие моему великому и неутомимому горю — потере единственного любимого сына. Сердечно благодарю Вас за «Соловьев». Читаю и во многих местах плачу...»

Листаю сборник... Рядом с «Соловьями» — стихи «Волга»:

...Мы выживем хотя б
во имя долга.
Мы вырастем к широкой
синеве.
Мы в даль войдем,
как в Каспий входит Волга,
Отстаивая Волгу на Неве...

— поздней осенью сорок второго их тоже напечатала «Комсомолка», и генерал Чуйков прислал из пылающего Сталинграда в редакцию телеграмму с благодарностью поэту.

И когда благословенным январским утром войны Ленинградского и Волховского фронтов с двух сторон устремились на врага, они услышали голос своего поэта:

...Пусть ветер свищет,
хлещет вьюга,
В дыму и гари синева.
Вслед за победной
вестью с Юга
Встает военная Нева.
И, как всегда, у Ленинграда
Простое, строгое лицо.
Вперед, орлы!
Ломай блокаду,
Ее железное кольцо!

Эти стихи — тоже в сборнике, который делался по горячим следам событий. Редактировал книжку Александр Решетов, а печаталась она в типографии имени Евгении Соколовой.

Михаил Александрович улыбается:

— Возглавлял типографию замечательный человек, ныне здравствующий Сергей Александрович Иванов. Помню, мы с ним вдвоем делали обложку книги — я вручную крутил станок (электроэнергии не было), а он печатал... Очень уж хотелось мне ускорить процесс... Тогда в Москву через Волхов пошел первый поезд, и редакция фронтовой газеты «На страже Родины» командировала меня в эту поездку. Так вот, взял с собой двадцать экземпляров «Фляги» и потом подарил Антокольскому, Эренбургу, кому-то еще... Ну а здесь, в Ленинграде, первый автограф, конечно, — Николаю Семеновичу.

...

ЧЕТЫРЕ десятилетия минуло с той поры. Много новых книг вышло из-под пера Героя Социалистического Труда Михаила Александровича Дудина. Недавно он написал:

Я всей жизнью своей
виноват
И останусь всегда виноватым
В том, что стал
Неизвестный солдат
Навсегда неизвестным
солдатом...

Поэт верен солдатскому долгу...

Л. СИДОРОВСКИЙ

● Михаил Дудин. 1943 год.
● Книга «Фляга».

«МЫ ОТ ПЕРВОГО ВЫСТРЕЛА СТАЛИ МУЖЧИНАМИ...»

— так сказал о своем поколении в своей первой книге
поэт Михаил Дудин

ДЕРЖУ В РУКАХ эту невеликую по формату и тиражу книжку, опечатанную на простой газетной бумаге, где на обложке в обрамлении ведущего огня орудия и устремившихся на врага ястребов — короткое слово «Фляга».

— Почему, Михаил Александрович, именно так назвали сборник?

Поэт задумчиво перелистывает пожелтевшие страницы...

— Хотелось, чтобы мои стихи были для солдата в нелегкой его дороге, словно глоток воды — именно с этим ассоциировалась у меня в те дни роль искусства вообще и поэзии в частности... Вообще-то это моя вторая книжка. Первая называлась «Ливень» — ее друзья из Иванова прислали мне в сороковом году на передовую, под Выборг, где служил разведчиком полковой батареей. Помню, просмотрел книжку — и спрятал подальше в вещмешок, потому что стихи про предстоящие бои написаны были залихватски, а как известно, советско-финляндская война моему поколению эти розовые очки крепко протерла жестким снегом Карельского перешейка, и мы стали смотреть на мир гораздо глубже, понимая, какие впереди

предстоят испытания...

Да, прогрохотала малая война — нужно было готовиться к другой, большой. Поэт нес ратную службу далеко от родных мест. Однажды, оказавшись проездом в городе на Неве, он оставил в редакции «Звезды» тетрадь с новыми стихами. Свой адрес в тетради пометил, как положено: Ленинград и дальше — шестизначный номер. Спустя неделю получает письмо от Николая Семеновича Тихонова: «Стихи хорошие, но кое-что надо подправить — так что приходите, посидим, потолкуем...» Пришлось ответить: «Очень хотел бы прийти, да не могу, и даже, когда смогу, не знаю. И вовсе я не в Ленинграде, а на далеком Ханко, который мы от финнов в аренду взяли и там стражу несем. А уж стихи поправьте сами, как и где нужно...»

И вскоре люди прочли в журнале:

Не от первого холода
в звонкой крови,
Не от черствых годов
с сединой и морщинами,
Не от первой, от самой
горячей любви,
Мы от первого выстрела
стали мужчинами...

Подборка получилась большая. Вспоминаю сейчас о ней, Дудин признается:

— Собственно с этого, считая, началась моя серьезная работа в поэзии. Да, до этого — стихотворчество, а здесь уже началась судьба поэта...

Некоторые из тех стихов вошли во «Флягу». Но главные строки книги родились в Великую Отечественную.

...Такие не боятся
и не гнутся.
Так снова в бой и снова
так дерись,
Чтоб слово, нас связавшее,
гангутцы —
На всех фронтах нам было,
как девиз

— это написано первого декабря сорок первого года, когда поэт вместе со всеми защитниками Ханко, до конца выполнившими воинский долг, покидал полуостров...

...Так бей врагов
свинцовым градом
И стой, как сотни лет назад,
Железный панцирь
Ленинграда.
Отчизна моряков —
Кронштадт!

— это сложилось той зимой на кронштадтском берегу...

...В ночи не спят
солдатские редуты,
Расколота ракетой синева.
Ждут корабли.
И паруса раздуты.
В гранитный цоколь
плещется Нева.
А он стоит и крепко
держит шпату.
От грохота не отведет лица.
Найди в себе такую же
отвагу
И бейся до победного конца!

— это возникло в его сердце, когда пришел к памятнику Суворову...

И есть в книжке стихи с совсем особой судьбой.

Близилась годовщина с начала войны. За несколько дней до этого редактор газеты 23-й армии «Знамя победы» батальонный комиссар Прусьян вызвал лейтенанта Дудина:

— Нужны стихи в номер от 22 июня.
— Размер?
— Не ограничиваю.
— Можно лирику?
— Можно.

Поэт козырнул, повернулся через левое плечо, вышел из редакции. Утро выдалось ясное, все цвело и зеленело, над озером заливались соловьи... Но на душе у поэта было тяжело: накануне погиб Витя Чухнин, дружок по взводу разведки, да еще пришло известие, что под Москвой сложил голову Коля Майоров — земляк, товарищ, тоже поэт. Захотелось написать о них... Забрался в заросли орешника, расстелил на траве шинель, лег на живот, раскрыл тетрадь...

О мертвых мы поговорим
потом.
Смерть на войне
обычна и сурова.
И все-таки мы воздух
ловим ртом
При гибели товарищей.
Ни слова

Не говорим.
Не поднимая глаз,
В сырой земле
выкапываем яму.